

ГРУСТНЫЙ ЮБИЛЕЙ.

I.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ вышелъ *вторымъ* (дополнительнымъ) изданіемъ сборникъ стихотвореній поэта-вологжанина *Θ. П. Савинова*.

Сборникъ представлялъ собою компактный томъ въ 156 стр. in 8°, отпечатанный убористымъ шрифтомъ на плотной бумагѣ, а обложка была украшена недурно исполненнымъ рисункомъ символическаго характера работы извѣстнаго художественнаго агелъе *Отто Ренара*.

На изданіе, посившее слѣды любовнаго отношенія къ дѣлу, несомнѣнно возлагались и авторомъ и издателемъ большія надежды, полное крушеніе которыхъ было одною изъ главныхъ причинъ постигшаго вскорѣ О. П. несчастья. Многочисленнымъ друзьямъ поэта извѣстно, что въ настоящее время онъ находится въ Кувшиновской лечебницѣ на отдѣленіи неизлечимыхъ душевно больныхъ. Крѣпкая до сихъ поръ, несмотря на тяжелыя испытанія прошлыхъ лѣтъ, физическая организація поэта продолжаетъ бороться съ ужаснымъ недугомъ, но сознаніе померкло безвозвратно. Онъ съ трудомъ узнаетъ изрѣдка навѣщающую его старшую мать.

Θеодосій Петровичъ Савиновъ родился въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ гор. Тотмѣ. въ семьѣ бѣднаго полицейскаго чиновника. Съ большимъ трудомъ Савиновымъ удалось дать образованіе своимъ даровитымъ сыновьямъ, изъ которыхъ старшій—М. П. блестяще кончилъ вологодскую гимназію и харьковскій университетъ, гдѣ и занимается въ настоящее время кафедрой (исторія литературы). О. П. также учился въ вологодской гимназіи, но вышелъ за годъ до окончанія курса. Повидимому, поэтъ питалъ очень малое расположеніе къ древнимъ языкамъ и совершенно не питалъ такового къ математикѣ.

Вскорѣ по выходѣ изъ гимназіи и неудачной попыткѣ приготовить себя къ военному поприщу—около года О. П. пробылъ въ юнкерскомъ училищѣ—онъ поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ вологодскаго губернскаго правленія, а затѣмъ исполнялъ обязанности лѣлопроизводителя попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Трудно предполагать, чтобы служба гражданская могла удовлетворять живого и остроумнаго юношу; онъ верѣдко мавкировалъ ею. Въ то же время по рукамъ сослуживцевъ О. П. ходили болѣе или менѣе мѣткія эпиграммы его и на свое непосредственное начальство и на весь близко знакомый ему губернский олимпъ. Въ 1891 году умеръ въ Москвѣ вологодскій губернаторъ М. Н. Кормилицынъ, довольно снисходительно смотрѣвшій на «шалости» подчиненнаго поэта, и это обстоятельство послужило вѣчной причиной къ выходу Савинова въ отставку.

Былъ-ли онъ дѣйствительно огорченъ (до растерянности) смертью благоволившаго ему начальника или, наоборотъ, находился—по какимъ-бы то ни было причинамъ—въ веселомъ настроеніи духа, но только поэтъ нашъ продолжалъ слѣдующій, неповторимый съ точки зрѣнія чиновнической дисциплины, кунштюкъ. Въ одинъ прекрасный день всѣ мѣстныя власти во главѣ съ вологодскимъ вице-губернаторомъ А. П. Лаппой Старженецкимъ, не терпѣвшимъ и безъ того Савинова, получили составленное послѣднимъ по собственной инициативѣ *официальное* приглашеніе пожаловать на панихиду по скончавшемуся губернаторѣ. День былъ выбранъ, кажется, будничныи, когда во всѣхъ учрежденіяхъ происходили занятія. За эту импровизацію поэтъ былъ посаженъ вице-губернаторомъ подъ арестъ на трое сутокъ, въ теченіе которыхъ и сочинилъ отъ обиды и отъ нечего дѣлать обстоятельную сатирическую поэму, разошедшуюся въ рукописи подъ именемъ *Савинады*. Поэма содержала рѣзкую критику тогдашнихъ губернскихъ порядковъ и исключала возможность всякаго преслѣдованія О. П. на службѣ. Выйдя въ отставку, онъ перѣхалъ въ Москву и лѣтъ восемь служилъ клеркомъ у разныхъ нотариусовъ. На частной службѣ Савинову тоже не особенно везло: онъ перемѣнилъ нѣсколько конторъ, получая ве-

здѣ довольно ничтожное содержаніе, и, наконецъ, когда послѣдняя изъ нихъ сама закрылась вслѣдствіе малой доходности (?), онъ остался совсѣмъ безъ мѣста.

Къ этому времени относится изданіе названнаго сборника. Появленіе на литературномъ рынкѣ *собранія* стихотвореній Савинова прошло совершенно не замѣченнымъ: книга лежала въ витринахъ и на полкахъ магазиновъ въ п. . . осталась на рукахъ автора. Я не встрѣчалъ ни одной рецензіи, даже въ тѣхъ журналахъ, гдѣ онъ самъ нерѣдко печатался.

Крайняя нужда, горькое сознаніе полного одиночества, проникающее лирику Савинова, и наконецъ фіаско давняго взлеса—наго въ мечтахъ *изданія* стиховъ—все это поколебало душевное равновѣсіе поэта. Въ началѣ 90-ыхъ годовъ родные перевезли О. П. въ Вологду и помѣстили въ психіатрическую больницу, гдѣ у него были констатированы явленія прогрессивнаго паралича.

II.

Писать стихи Савиновъ началъ очень рано: еще въ младшихъ классахъ гимназіи, а въ печати его имя появляется въ началѣ 80-хъ годовъ. Вскорѣ онъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Будильника», почти каждый № котораго открывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ четверостишіями О. П. подъ заглавіемъ «Соль мудрости». Это были остроумныя (большей частью заимствованныя у Ларошфуко, Лабрюйера и др. авторовъ), сентенціи, переложенныя нашимъ поэтомъ въ стихотворную форму.

Съ переездомъ въ Москву онъ кромѣ «Будильника» принимаетъ постоянное участіе въ «Развлеченіи» подъ однимъ и тѣмъ-же псевдонимомъ *Θеод. Дор.* Серьезныя лирическія стихотворенія его помѣщались въ «Живовисномъ Обзорѣніи», «Всемирной иллюстраціи», «Русской Мысли» и др. изданіяхъ.

Поэзія Савинова не богата мотивами. Въ душѣ поэта постоянно борются между собою два совершенно противоположныхъ настроенія. Бодряшій призывъ къ труду, гимны счастью, молодости, свободѣ, наукѣ смѣняются безважнымъ уныніемъ, грустью, разбитой, неудавшейся жизнью, сомнѣніемъ въ конечномъ торжествѣ добра. Если хотѣть, онъ напоминаетъ Надсона: разубѣется, оставляя въ сторонѣ красоту формы,—яркость образъ въ и силу выраженія,—отличавшія талантливейшаго поэта 80-хъ годовъ.

Въ общемъ стихъ Савинова довольно легокъ и плавенъ. Къ сожалѣнію нѣкоторыя недурныя по замыслу лирическія вещицы испорчены несотвѣтствиемъ ритмическаго ударенія съ грамматическимъ (приходится читать: много, твою и пр.), стеченіемъ согласныхъ, избыточностью или неполнотой рифмы, однообразіемъ эпитетовъ. Безнадежно стары образы, сравненія и антитезы автора.

Съ другой стороны—несомнѣнная чистота, крѣпкость, теплота чувства, отсутствие претенціозности—качества, выгодно отличающія нашего поэта отъ большинства современныхъ версификаторовъ модернистскаго толка. Сборникъ открывается стихотвореніемъ *Crede!*

Что всѣ грозы и всѣ тучи,
Шумъ и грохотъ всякихъ буръ
Если снова съ дальней кручи (?)
Глянетъ ясная лазурь...
Освѣщенная грозой,
Мать—природа горячѣй
Встрѣтитъ, радуясь покою,
Ласку солнечныхъ лучей...
Други! и въ жизни часты грозы...
Омрачаютъ гущи путь,
И дождемъ, нерѣдко, слезы
Льются горькія на грудь...
Но,—въ надеждѣ, что съ лазури
Вновь проглянетъ свѣтлый лучъ,

Други! не бойся грозной бури,
Не страшись житейскихъ тучъ!
И, знакомый самъ съ бѣдою,
Переживъ грозу,—теплѣй
Отзовешься ты душою
На печаль другихъ людей...

Стихотвореніе не блещетъ ни оригинальностью, ни яркостью красокъ, но оно характерно выраженіемъ *чуждости*, проникающей лирику нашего поэта;—отдѣленное отъ остальныхъ стихотвореній чистою страницей, оно служитъ какъ-бы эпиграфомъ ко всей книгѣ.

Тотъ же лейтъ-мотивъ встрѣчаемъ черезъ нѣсколько страницъ въ стихотвореніи «Благослови», посвященномъ матери поэта. Онъ проситъ мать благословить его «путь пѣвца по вдохновенію», его «честный пылъ и творчества волненье», благословить «на служенье страждущимъ», дать ему «силу отвергнуть поклоненіе богамъ вражды, ликующимъ въ крови!» Что ждало поэта на избранномъ пути—мы узнаемъ изъ цѣлаго ряда стихотвореній, глубокаго пессимистическаго характера. Лучшія изъ нихъ: «Я въ море жизни...» (стр. 47), «Онъ былъ надеждой окрыленъ» (стр. 54). Мгновенія мимолетнаго счастья, близость любимой женщины, созерцаніе природы нашли выраженіе въ нѣсколькихъ (относительно) раннихъ стихотвореніяхъ. Наиболѣе удачныя изъ нихъ «Въ лѣсъ» (стр. 60) и «Въ лѣсу» (стр. 61).

Въ лѣсъ.

Въ зеленый лѣсъ, въ дремучій лѣсъ!...
Подъ сводъ лазоревыхъ небесъ...
Туда, гдѣ дышется легко,
Гдѣ зловое горе далеко;
Гдѣ серебристые ручьи
Журчатъ мелодіи свои;
Гдѣ птички вольно въ вышинѣ
Привѣтъ чарующей веснѣ
Покуютъ, несясь свободно въ высь;
Гдѣ ароматы разлились...
Скорый подъ куполъ изъ деревьевъ,
Въ зеленый лѣсъ, въ пахучій лѣсъ!

Въ первоначальной редакціи стояло: *вм. несясь свободно*—и придаются, а *ям. скорый*—туда. Не думаю, чтобы поправки автора были сдѣланы въ пользу стихотворенія.

Въ лѣсу.

Мы здѣсь одни, мы только двое...
Взгляни, какъ мирно все вокругъ,
Въ какомъ торжественномъ покоѣ
Яснѣетъ небо голубое!
О, сколько счастья, добрый другъ!...
А тамъ... вдали, откуда оба
Мы, истомленные, пришли,
Тамъ—шумный городъ, зависть, злоба,
Борьба за хлѣбъ, вражда до гроба,—
О, сколько горя тамъ вдали...

Изъ всей массы стихотвореній юмористическаго жанра въ «Сборникѣ» вошли очень немногія (см. «Восточная мудрость», стр. 27) и притомъ ни чуть не лучшія. Чѣмъ руководился О. П. при выборѣ этихъ именно вещей—неизвѣстно. Можетъ быть большими правами на *оригинальность*?
М. Швецовъ.